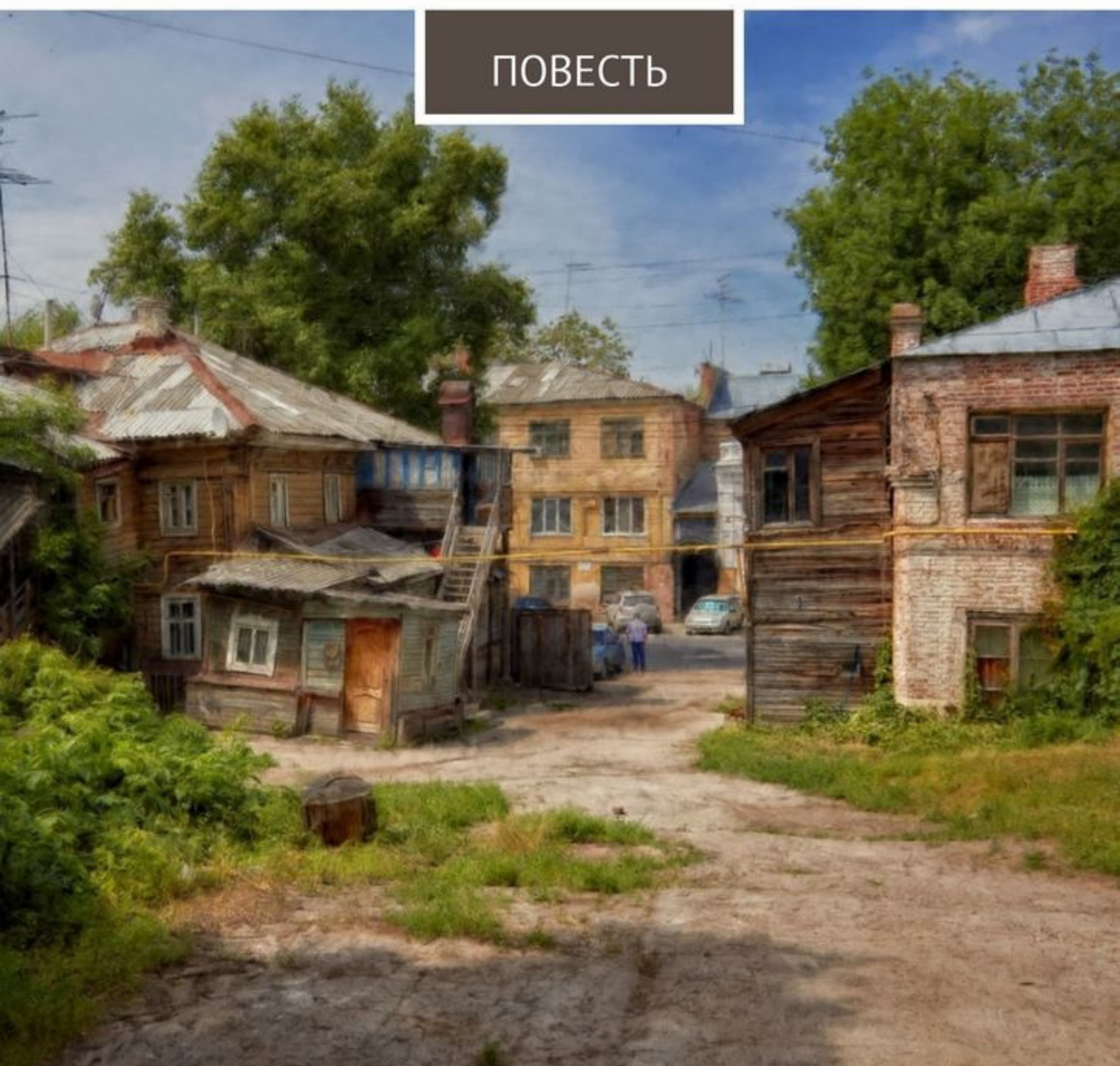

18+

ВЯЧЕСЛАВ СМИРНЫХ

Старый двор

ПОВЕСТЬ

Вячеслав Смирных
Старый двор. Повесть

«Издательские решения»

Смирных В.

Старый двор. Повесть / В. Смирных — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594336-1

Повесть «Старый двор» о становлении, возмужании подростка, пришедшего в рабочий коллектив. Действия происходят в 50-е годы прошлого века.

ISBN 978-5-00-594336-1

© Смирных В.
© Издательские решения

Содержание

СТАРЫЙ ДВОР	6
Я много лет без отпуска	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Старый двор

Повесть

Вячеслав Смирных

© Вячеслав Смирных, 2022

ISBN 978-5-0059-4336-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТАРЫЙ ДВОР

Повесть

Срок вербовки заканчивался, и Клава каждый день ждала от Степана телеграммы о возвращении. В последние дни она старалась не задерживаться на работе и всякий раз, зайдя в комнату, жадно шарила глазами по столу в надежде увидеть долгожданный почтовый квадратик бумаги. Не найдя его, устало опускалась на стул.

– Даль-то дальняя. Это тебе не Манино, а край света.

Я приехал к сестре из деревни Вишнёвки на учёбу. Не теряя времени, достаю из учебника географии карту СССР и начинаю измерять расстояние от нашего города до Камчатки, высчитывать дни, за которые телеграмма обязательно должна прибыть к нам.

Видя, с каким усердием я вожусь с линейкой и карандашом и называю «точное» время получения весточки от мужа, сестра, видимо, начинает верить моим предсказаниям и успокаивается. В такие минуты она заметно хорошеет. Маленькая, светловолосая, растроганно смотрит на меня большими детскими глазами. Сестра начинает наводить в комнате и без того наведенный порядок, словно Степан должен войти сюда с минуты на минуту. Клава шутит со мной и напевает «Песенку фронтового шофера».

– Степа любит эту песню. Он же у меня заядлый шофер. – А там на сейнере мотористом работает.

Я радовался за сестру и вспоминал ее свекра Егора Гавриловича, называвшего сноху за трудолюбие и вечные хлопоты «пчёлкой». Не было во дворе такой работы, какую бы Клава не сумела выполнить. Если кто-то из соседей приступал к замесу песка с глиной, могла дать дельный совет по кирпичной кладке, а то и сама сложить плиту. Если вдруг портился водопроводный кран, к слесарю за помощью не обращалась, потому что разводной ключ держала в руках крепче иного сантехника. Находила любые неисправности в сплетениях электрических проводов, так как сама была первоклассным электриком. Отменной мастерицей сестра считалась и в чисто женской работе.

Егору Гавриловичу Клава была любя и тем, что не скупилась на гостинцы и, само собой, в каждый его приезд догадывалась поставить на стол четвертинку водки.

Егор Гаврилович, еще не старый, крепкий мужчина, большой любитель выпить, повеселиться, а заодно и похвастаться своим достатком, жил в пригородном селе Манине, что было большим удобством для поездок на городской базар: летом – с овощами и молоком, поздней осенью, связав в тугие мешки сотни веников, отправлялся торговать ими не только в областной центр, но и в другие города страны.

Рассказывала Клава: два года назад поехал он с вениками в магадан. Вернулся с барышом. После того и надоумил Егор Гаврилович Степана попытать счастья на заработках.

– В два захода и свой «Москвич» будешь иметь.

Почти каждую субботу Егор Гаврилович заезжает к нам с пустым бидоном из-под молока переночевать, отдохнуть и, конечно, выпить. Как только он сбросит в коридоре свою гулко звенящую ношу, у наших окон появляется одорукий сторож Климов, которого все жильцы нашего двора зовут Климом. Они долго курят, как бы невзначай бросают взгляды на собираемый Клавой ужин, но садиться за стол не торопятся. И тогда Клава отзывает меня в сторону:

– Не посчитай за труд, сбегай в магазин. И себе лимонаду купи.

Какой же здесь труд! Я рад уважить Клаву и опять же люблю наблюдать за взрослыми людьми, слушать их разговоры, которые после первой рюмки становятся разнообразными и бесконечными.

Егор Гаврилович обязательно предлагает выпить мне:

– За компанию.

– Не буду. Зачем мне она. Я учусь.

– Мал ещё, – вступается сестра, – да и к занятиям надо готовиться.

Я второкурсник строительного техникума и этим объясняю гостям причину отказа от угощения.

– Перед н е й все равны, – утверждает захмелевший Егор Гаврилович. – А занятия не уйдут. Сколь ни учись, все равно умрёшь дураком.

– Верно, что и говорить, – соглашается Клима, пододвигая к себе стакан, словно боясь, как бы его кто не отобрал. Что бы ни говорили Климу, он всегда со всеми соглашается, что очень не нравится мне. Ведь не правду сказал Егор Гаврилович насчет учёбы, зачем же поддакивать. Неужели так трудно высказать своё мнение? Непонятно.

– Однова живём! – продолжает Егор Гаврилович. – Вон мой сосед дочь Любку замуж отдавал. Он как? Гости за стаканы, а он в хлев к корове. Ждёт, пока не выпьют. Не пил, а всё равно подох! Давай-ка ещё по одной...

Но о чём бы ни начинался разговор, сводился он всегда к приезду Степана.

– А ну-к он кудрявую привезет иль узкоглазую? – подшучивает Егор Гаврилович над снохой.

– Пусть, – соглашается Клава, – места всем хватит.

– Пускай сам возвращается. Встретить есть чем. «Дурмана» я литров сорок приготовил. Курей, утей тоже вдоволь, – в который раз перечисляет Егор Гаврилович.

Я Степана знаю мало, так как видел всего лишь раз, когда он накануне отправки в армию приезжал к нам с Клавой в Вишнёвку, потому каждый раз волнуясь, когда заходит разговор о предстоящей с ним встрече. – Такой же он, как отец, толстый, весёлый и выпить... не любит. Может, отвык, – утешает сестра. – Вы с ним подружитесь.

До замужества Клава к нам в деревню навещалась чаще. После окончания школы ФЗО, где получила специальность электрика, она работала на стройках города, почти начисто разрушенного войной. Накануну выходного дня я был весь в ожидании сестры. Клава не входила, а влетала в избу, шумная, веселая. Язычок коптилки тревожно трепыхался из стороны в сторону, грозясь ежесекундно исчезнуть в темноте.

– Как вы тут, не замерзли? Мужичок с ноготок, живой? – заглядывала Клава на печь.

– Ага.

И сердце радостно замирало от её слов, от прикосновения мягких прохладных ладоней. Ещё сильнее вжимался я в полуостывшие к полуночи кирпичи, ожидая городского гостинца. Что она привезла мне сегодня?

Чаще всего Клава дарила мне книги. Они нередко попадались ей в кучах битого кирпича, под завалами стен и потолочных перекрытий, что приходилось расчищать рабочим, прежде чем начать строить новый или восстанавливать старый, покалеченный снарядами и бомбами дом.

– А ну-ка, мужичок с ноготок, в какой руке? — улыбается Клава, закидывая руки назад.

Знаю, все подарки будут мои, но всё равно включаюсь в игру. Клава привезла несколько голубых электрических лампочек, совсем недавно освещавших фронтонной город, и десятка два величиной с ладонь керамических плиток. Из них хорошо строить домики. Конечно, ни у кого из моих ровесников нет ни того, ни другого. А ещё Клава привезла тяжёлую буханку ржаного

хлеба. Мама подержала минуту на ладони, словно определяя вес, затем аккуратно разрежала на три равные части. Но, как ни просила она Клаву подкрепиться, хлеб есть сестра не стала.

– В городе напилась-наелась, – шутила Клава. – Да и с дороги не хочу.

Не верила ей мама и, чтобы сгладить неловкость, начинает расспрашивать Клаву, как да с кем она добиралась с поезда, не заблудилась ли.

– Хорошо дошли. Ребят наших много было. Да разве ж мы, молодые-красивые, можем заблудиться? – скороговоркой, шутливо отвечала Клава.

Неблизкий от станции до дома путь по холоду, ночью мне казался сплошным удовольствием.

– Про войну там ничего не слышать? – напоследок спрашивала мама.

В военных делах Клава не сильна, отвечает неуверенно, но тем не менее утром, встав пораньше, начинает подавать мне команды:

– Мужичок с ноготок, в одну шеренгу становись! Займемся зарядкой.

В ФЗО с них строго спрашивали за военную, физическую подготовку.

– Вставай, вставай. Ты же будущий воин-боец, – стыдит, убеждает Клава.

– Поучи, поучи его, соню, – улыбается мама.

Ей и жалко меня поднимать, и довольна она тем, как Клава воспитывает меньшого.

А меня и не надо уговаривать. Полежать, конечно, хочется. Но, кто бы другой просил, я бы еще подумал, а тут Клава! Время с ней зря не пропадет. Она и научить хорошему может, и заступиться. Клава мне и за сестру, и за старшего брата. Раз Витька Цыган хотел меня летом в пруду «курнуть», Клава так ему треснула по затылку, что он сразу от меня отстал.

Пока готовился завтрак, Клава успевала и пол подмести, и окна протереть от пыли, и становилась наша изба светлее и просторнее, будто вынесли из нее кровать или печку. Желая Клаве помочь, я мотался за ней следом, как овечий хвост. Легко было с сестрой, одно немного огорчало, что она станет просматривать мои тетради, интересоваться оценками. Я как мог отвлекал её, уводил от школьной сумки подальше.

– Теперь посмотрим, как наши пионеры-школьники учатся, – произносила Клава, расстёгивая сумку, и поглядывала на маму, будто приглашала её к совместной проверке моих оценок.

– Всё бы ничего, в арифметике слаб, – и сожалеет, и заступается мама. – То ли не дается она ему, то ли учителя виноваты.

Неловко перед Клавой. Пока она листала мои тетради, я молча стоял рядом.

– К нашему бы прорабу тебя, Митя, на выучку. Тот все подсчёты в уме делает.

Вспомнила она рассказ прораба, как дьячок делил сорок на восемь:

– В сорока четыре десятка, – рассуждал дьячок. – Десяток на восемь делится по одному. Значит, берем по четыре. Четырежды восемь тридцать два. Вычитаем тридцать два из сорока и делим остаток на восемь – по одному. В результате получилось сорок один. Засомневался дьячок. Решил деление проверить умножением: сорок один помножил на восемь. Четырежды восемь тридцать два да восемью один восемь. Сложил эти две цифры и получил сорок!

– Ну, дьячок! Силен в арифметике! – хохотал я.

Улыбалась и мама, понявшая ошибку дьячка в делении:

– Учись, да не будь вот таким грамотеем.

День с Клавой пролетал незаметно. Ночью, часам к одиннадцати, Клава должна идти к поезду и, чтобы не проспать, рассказывает нам с мамой о своей работе, о том, как трудно в городе с жильём, как бедствуют многие семьи, возвратившиеся в свои покалеченные дома. Переживали мы с мамой за этих не известных нам людей, жалели их и радовались, когда сестра сообщала нам об отремонтированном бараке или начатом строительстве нового многоэтажного дома.

– Закончишь школу, поступаешь на стройку, – слышу сквозь дремоту советы сестры. – Строить много надо. В городе будем жить, и мама к нам переедет.

Я никогда ещё не был в городе и силюсь представить его с необыкновенно широкими улицами, высокими домами, ярким электрическим освещением. Решаю, что в городе жить лучше и нет интереснее работы, чем на строительстве жилых домов.

Однажды Клава приехала к нам какой-то растерянной, притихшей. Не услышав её обычных шуток, я выглянул из-за навески: Клава ли это?

Как ни старалась она упереться носком в пятку лакированного сапожка, разуться ей в один присест долго не удавалось. Не было в ее ногах прежней упругости и ловкости. Сапожки скользили по полу, вихлялись из стороны в сторону. Заколки, державшие ее вязаную шапочку, так глубоко запрятались в тугих волосах, что Клава не сразу могла их отыскать.

Затаила дыхание мама, она тоже почувствовала необычность Клавиного поведения.

– А я замуж выхожу, – вдруг сказала Клава в момент, когда, повернувшись к нам спиной, вешала на гвоздь свой плюшевый жакет.

У меня перехватило в горле. Так со мной бывало, когда я на спор с ребятами опускался на дно пруда и задерживался там дольше обычного...

Не сразу ответила мама.

– За кого же? – наконец спросила она.

– За рабочего. Он шофёром работает на стройке.

По возрасту мы ровесники.

– Люди как-то инженеров себе находят...

– Он хороший, мама.

И вот теперь радостно и тревожно мы с Клавой ждём Степана домой. Это ожидание передалось и нашим соседям по двору.

– Когда ж возвратится т в о й? – любопытствует жена кладовщика Москалёва.

– Год ждала. Осталось чуть, – отшучивается сестра от словоохотливой, не против иногда посплетничать соседки.

Всё чаще Клава задерживается у колонки с

Куликовой Марией, многодетной простоватой подругой, советуется с ней:

– Может, срок продлил?

– Да ведь и даль, Клава. Не день, не два ехать.

– Это ладно. Не заболел бы.

– Не пройдёт и недели, как сам будет дома, – уверяет Клаву дядя Валя Савченко, если вдруг оказывается возле озабоченных женщин.

Дядя Валя, добродушный, улыбчивый хохол. При встрече всегда поздоровается, пошутит. С каждым днём он все больше нравится мне.

В последний приезд, когда уже была опорожнена «законная» пол-литровка и Клим, пошатываясь, направился в свою дежурку, Егор Гаврилович ещё долго сидел за столом в одиночку и рассуждал вслух о том, как он будет писать письмо Степану:

– «Работы, сынок, в доме много, а помочь некому. А мать стара...».

Не просил он Клаву приехать в Манино – поняла сестра настало время уборки веников. Потому дома я нередко остаюсь один. Мне, недавно приехавшему из деревни мальчишке, застенчивому до робости, интересно побродить по соседней мастерской, где работает большинство жильцов нашего двора, изучать моих новых знакомых, спешащих мимо наших окон к проходной.

Первым, не торопясь, проходит кладовщик Москалёв. Он сдержанно покашливает в кулак с туго зажатыми ключами и старается не замечать меня. За ним, подтыкая на ходу рубашку в штаны, с неизменным окурком во рту выскакивает шофёр Грошев.

– Как кобель по огородам бегаешь! – шутит дядя Валя Савченко.

Поздно женившийся, бездетный Грошев был постоянным предметом острот дяди Вали, каждый раз по-новому объяснявшего причину отсутствия у Грошева наследников. Вот дядя Валя останавливается напротив окна:

– Хочешь посмотреть мастерскую, где мы работаем?

– Конечно. Я сейчас.

Не чувствуя от радости под собою ног, выскакиваю на улицу. Вначале мы входим в заготовительный цех.

– Тут железо разной толщины раскраивают, – поясняем мне мой провожатый.

Смотрю, как работает резчик. Вот рабочий надавил на красную кнопку. Нож, коснувшись нижним углом листа железа, чуть вздрогнул и уверенно пополз вниз, пока нужный кусок металла не отскочил в сторону. Нож тут же подпрыгнул вверх. Палец резчика вновь прикрыл красную кнопку, и нож снова послушно пошёл вниз.

– Ух ты, сила!

Я бы еще смотрел на ножницы, если бы дядя Валя не поторопил меня:

– Идём в электроцех.

Сколько тут было всего интересного: на верстаках лежали кучи блестящих изоляторов, рубильники, мотки многоцветных проводов, пирамиды трубок. В цехе работают женщины и девушки. Как они только разбираются в этих всех «игрушках»!

Пахнет маслом и резиной. Где-то в углу шипит по шлангам воздух. На распределительном щите перемигиваются разноцветные лампочки, будто в чем-то предостерегают меня. Поразило множество станков, электрических шкафов, разных приспособлений, на которых слесари гнут из металлических труб, уголка, прута различные изделия.

Показал дядя Валя и своё рабочее место. Но это было не всё. Перед тем, как отключить натуженно гудящий трансформатор и смотать провода, разрешил мне дядя Валя вооружиться его доспехами электросварщика. Рука моя дрожит, вместе с ней электрод выбивает по уголку нечёткую дробь. Короткая вспышка – и под ноги сыплются тысячи ослепительно ярких зеленоватых звезд!

День велик. То и дело бегаю за калитку встречать почтальона, брожу без дела по двору. Наш двор небольшой. В трёх финских домиках, отгороженных от мастерской шлакоблочным забором, проживает всего несколько семей, поэтому каждый друг от друга знает всё: и сколько зарабатывает, и куда поедет в отпуск, и в каком часу ночи вернулся вчера Куликов, почему-то неладно живший со своей Марией. Купленная кем-либо обнова ходила по рукам всех жильцов, а если к кому-нибудь из деревни приезжал гость, не позже чем на другой день он успевал со всеми перезнакомиться, а заодно и выслушать добрый десяток советов, как и где разрешить свои заставившие ехать в город неотложные дела.

По вечерам, когда однорукий Клим закрывает ворота мастерской и на тополях оседает горячая от проходящих машин пыль, во двор выносятся скамейки, патефон, «руководить» которым иногда поручается мне. Начинаются весёлые танцы.

Но вот все «фокстроты» и «танго» помногу раз прокручены, и уставшие танцоры постепенно располагаются поодаль. Для шофёра Грошева наступает самый подходящий момент, чтобы, громыхнув шашками лото, пригласить желающих поиграть:

– Налетай, пока по дешёвке!

Рассаживаются вокруг вкопанного во дворе столика оживленно и основательно, потому что знают: не на час.

– Бычий глаз! – Крутнув шашку с цифрой «10», Грошев, не теряя времени, принимается выкрикивать названия одно смешнее другого. «66» у него именовались «лаптями», «44» «табуретками», а «90» под дружный хохот играющих объявлялась «Вячеслав Ивановичем», потому как имелся намёк на живущего здесь в одном из домиков, а возможно, и сидящего рядом, старшего всех по возрасту Вячеслава Ивановича Сенченко.

Мне почему-то всегда хочется, чтобы хоть раз в лото выиграла жена кладовщика. Лицо её напрягается, краснеет, когда на карте появляется «квартира».

– Не везёт в жизни, пусть хучь в игре повезёт! – толкает она мужа в спину, чтобы порадовать с в о е г о, а может, напомнить ему лишний раз о давнем желании расширить свою малогабаритную квартиру.

Если к окончанию игры ещё работает дежурный продаг, игроки быстро складываются на бутылку красного вина, сбегать за которым просят меня, за что потом считают своим долгом угостить.

– Что вы, не буду! – отказываюсь я. – Мне надо уроки по математике готовить.

– Мужик ты или не мужик? – наступает на меня радостный от предстоящего удовольствия кладовщик Москалёв. – «Математика», «техникум»... Я без техникума неплохо живу.

И тогда выручает дядя Валя:

– Отчепитесь от малого, не учите поганому делу.

Сам дядя Валя выпивает редко, по большим праздникам. Когда же видит беспричинно выпивающих соседей, язвит:

– Не всю ещё попили? В гастрономе её много...

И проходил мимо. Москалёв не замечал издёвки дяди Вали, Вячеслав Иванович не понимал намёка, Клиим не молчал:

– Святого из себя строит.

2

Степан приехал домой среди зимы, успев с вокзала на такси съездить в деревню за отцом.

– Стёпа! – задохнулась от радости сестра, прижимаясь щекой к полосатой тельняшке мужа. – Что ж долго не писал?

– Робу стирал и смыл твой адрес, – улыбается Степан. – Полагаю, без предупреждения лучше.

– Хотел знать, чем занимаешься одна без мужа, – дополняет его Егор Гаврилович. Он выносит из машины Степановы вещи. Несёт и останавливается на каждом шагу, точно боясь расплескать драгоценную жидкость.

Подарки Степан вытаскивает не спеша, перекладывает их с руки на руку, как бы ненароком называет место покупки и цену каждой вещи.

– Это мне? – засветилась Клава, получая от мужа светло-коричневый пыльник, отрез легкого материала на платье, замшевый ридикюль. – Вот спасибо, вот хорошо. Давно собираюсь купить такой, а тут как по заказу!

– Жену я тебе, сынок, как-никак соблюл, – как бы между прочим заявляет Егор Гаврилович, по-хозяйски устраиваясь за столом, когда немного улеглись восторги от первых минут встречи. – Остальное само собой придёт.

Он изо всех сил старается быть в лад с сыном, хвалит его, сравнивая с собой, не забывает похвалиться и сам. После пары опорожненных бутылок Егор Гаврилович, потный, красный, потянул с себя взопревшую рубаху.

– Показать, что в майке ходит, – кивает сестра.

То и дело Егор Гаврилович плюет в угол, голова его клонится все ниже, пока не начинает вздрагивать. Сноха замечает первой:

– Пап, что ты расстраиваешься? Стёпа вернулся, всё хорошо.

Этой жалости, кажется, только и ждал Егор Гаврилович. Он вдруг выпрямляется и смотрит на неё такими страдальческими глазами, что подумаешь, нет у человека горше горя, чем горе у Клавиного свёкра.

– Эх, Клава! – бьёт он себя в грудь увесистым кулаком. – Было бы их пятеро, а то только двое: Стёпа да Надюшка!

Он хватает рубчатый стакан водки и опрокидывает его в рот, украдкой сквозь слёзы поглядывая на Степана, какое на него произвел впечатление. У меня тоже начинают пощипывать глаза, от стопки вина становлюсь хмельным и тяжелым. Жаль Егора Гавриловича.

– Не надо, пап, не надо, – морщится Степан.

– А ты что мне за указ? Рубахи вас нет купить...

Позже в разговоре Степан пояснил отцовские «плачи»:

– Старый кот. Знает теперь, что надо прибиваться к какому-то берегу, вот и показывает свою любовь к детям. Смолоду гуляка был будь здоров, мать от него натерпелась.

...На другой день Клава, оформив специально не использованный отпуск, на неделю со Степаном убыла к его родителям в Манино. Я на хозяйстве оставался один.

С приездом Степана в нашей квартире чуть не ежедневно стал появляться кто-либо из гостей. Кажется, перебивали и все соседи. Знакомились, поздравляли Клаву с возвращением мужа. А Мария Куликова в шутку заметила ей:

– Орёл твой Степан. Высоко летает, где только сядет.

Никого Степан не отпустил без угощения. На организацию мужских «посиделок» Степан был большой мастер. «Посидеть», поговорить «за жизнь» любили не только Егор Гаврилович, Клим, но и кум Степана Иванов.

– Душа из неё вон, давай по маленькой! – предлагает приветливый Степан.

В шутку, хвастаясь, сообщает, что знает с десяток способов выпить и остаться трезвым:

– У нас на сейнере как бывало? Неделю ходим в море, две – бесполезняк. Нету рыбы. А её нет и дела нет.

И Степан выразительно скользит пальцем по горлу, разъясняя и без того всем понятное рыбацкое желание – выпить.

– Когда в порт с рыбой приходим, тогда веселее, тогда лафа.

– А что ж тогда? – интересуется Клава, ласково поглядывая на мужа.

– Песня до конца не поётся, жене правда не говорится! – выручает сына Егор Гаврилович.

Без песен не обходится ни одно застолье. Когда гости пропустят по рюмке, кто-нибудь предлагает спеть или сам пытается затянуть, иногда не подходящую в данный момент. Присутствующие скромно молчат, не замечая неудачливого певца. Выручает Клава:

– Пап, ну-ка ты. А может, кум? Ту, что «лежит в сыром, нетопленном подвале, не смея руку за копейкой протянуть...».

Кум Иванов, губастый, с пухлым лицом, говорит редко, то и дело вставляя смешные словечки, причём сам почти не смеётся. При хорошем настроении, боднув головой в сторону, он начинает без долгих просьб:

Я живу близ Охотского моря,
Где кончается Дальний Восток...

Если солист-доброволец не находится, вся надежда возлагается на Степана. Он знает, что в конце концов обратятся к нему, попросят, потому выжидательно молчит, не предлагая пока своих услуг. По возвращении с Камчатки любил он петь «Вернулся я на Родину».

– Ну что ж, если уж очень просите, тогда я пожалуйста.

А чаще без вступительных слов, чуть наклонившись вполупоборот, начинает тихим, четким голосом:

Вернулся я на Родину,
Стоят березки стройные,

Я много лет без отпуска

Служил в чужом краю...

Голос его нарастает, звончеет, краснеет от натуги толстая, сливающаяся с макушкой в одну линию шея. Песня всем нравится, и никто не перебивает хозяина квартиры. И когда он доходит до слов о встрече с матерью, каждый из нас вспоминает свою мать, начинается за столом невольное движение, вздохи. Егор Гаврилович, если к тому времени ещё находится за столом, затевает рассказ, как он мальчишкой бегал к матери в больницу.

– К ма-аме! – И шестидесятилетний человек заливается слезами. – Сейчас ей восемьдесят пять, – объясняет Егор Гаврилович. – Пусть живёт. Ей хорошо, и нам неплохо.

Чем бы я ни занимался, где бы я ни находился, я всегда помнил о маме. Она незримо присутствовала рядом.

У кума Иванова мать умерла, когда он был в заключении. Воспоминания и разговоры о ней переносил мужественно.

– Ну, братцы, вы что рассолодели? – спрашивает он отрезвляющим голосом, берясь за графин с водкой и целуя его гранёный бок...

Все встряхивались, освобождаясь от минутной слабости (не к лицу мужчинам), и гомон, звон стаканов, клубы папиросного дыма вновь заполняют нашу небольшую комнату.

– Мешковы гуляют, – раздаётся за окном довольный, с ноткой зависти голос сторожа Клима, рассчитанный на приглашение к столу. Степан зовёт Клима.

– Помногу нет, а по сто пятьдесят у нас завсегда найдется! – разьясняет Егор Гаврилович вроде бы оробевшему поначалу Климу.

Убедившись в хорошем его самочувствии за столом и желая привлечь к себе внимание присутствующих, в особенности сына, встряхнув несуществующим чубом, он затягивает старинную русскую песню:

Слышу звон бубенцов издалека,
Это тройки широкий разбег...

На последних словах, взяв высокую, не под силу ноту, срывается и виновато замолкает, вопрошающе поглядывая на сына, уж готового подхватить прерванную отцом песню:

Нас три сестры: одна за графом,
Другая герцога жена...

Егор Гаврилович, оправившись от лёгкого душевного расстройства, успокаивающе продолжает:

Оставь напрасные заботы,
Забудь напрасные мечты,
Ведь не просто – ою ты морячкой,
А королевой будешь ты...

Я любил слушать эти протяжные, иногда со слезами песни, и не понять мне было в ту пору этих взрослых, много повидавших, более моего переживших людей, и завидно было оттого, что они знали и понимали многое и по-своему из того, чего еще не мог понять я. Их песни трогали меня до глубины души и навсегда остались в памяти непреходящей грустью.

Веселье за столом разгорается с новой силой, когда я, улучив момент, подсовываю Степану под руки гитару. Самодовольный и хмельной, он старательно прилаживает её на своем большом животе в ожидании чьего-нибудь заученно-удивлённого восклицания о его габаритах.

– Буржуазия, когда же ты лопнешь! – пружинит Степан по животу ребром короткой ладони.

Пощипывая струны гитары, будто выбирая из них самую звучную и веселую, Степан вначале невнятно, себе под нос проговаривает куплеты, какой-то, чувствуется, озорной песни. И вот, обведя лукавым взглядом гостей и подмигнув куме (щец бы покислей да бабёнку поживей!), срывается в дробный перебор:

Дрын здоровый я достану
И чертей метелить стану:
Почему нет водки на луне!

– Ох-хо-хо! Га-га-га! Уморил, сукин кот!

Пока гости увлеклись песнями, гитарой и разговорами, сестра, юркнув за занавеску, вполголоса обсуждает с кем-нибудь из соседок семейные дела, болезнь ребенка, отношения с мужем.

– Каждый божий день так, – сокрушается она. – Гулянкам конца-краю не видно. – Митя, – обращается она вдруг ко мне, – поговоришь с ним? Он тебя уважает. Может, поймёт...

Я молчу.

– Конечно, – оправдывает меня Клава, – просить об этом трудно. Вот так сразу и не начнёшь разговор. Ты, Митя, не садись больше с мужиками за стол, болеть будешь от водки-то. Господи, скорее бы ты вырос что ли, – и прижимает мою голову к своему теплому боку.

Дружна была Клава с Куликовой Марией. Длинная, с соломенного цвета ресницами, она наклоняется к Клаве, шепчет горячо, с болью:

– А мой опять не ночевал дома, опять у н е е был. Вчера-то я сунулась к нему в карман, два билета в кино лежали, а сегодня их уже нет. Клава, милая, что делать, что делать, ума не приложу.

Клава уже готовая что-то посоветовать, подсказать, потому как всегда для других у неё найдется совет и помощь. Погорюет с каждой, утешит.

– Клав, пойдй сюда, – раздаётся голос мужа, и она спешит к столу. – Мы тут разговорились, – непослушным языком, издалека начинает разъяснять свой вопрос Степан. – Один пацан – хорошо! А два – лучше. Скажи, Андрюшка будет у нас?

– Не время об этом говорить, – отмахивается сестра.

– Ладно. А выпить будет? А сама выпила?

– Мне нельзя, Степа, – улыбается Клава, довольная вниманием мужа. – Врачи не советуют, – всё слабее отказывается она.

В разговор сразу вступают несколько «знающих» гостей с твёрдым убеждением, что от рюмки ничего не случится. Наконец, сестра сдаётся, подходит к столу – садиться некогда:

– Дай бог не последнюю!

– Выпивает с напёрсток – и снова к плите.

Пока готовится закуска, Егор Гаврилович вспоминает, как Степан, женившийся без родительского разрешения, приехал к нему в деревню.

Мы со сватом Гришкой за четвертью сидели. Смотрю, заходят двое. Стёпа вот так прошел по комнате, а она на пороге осталась. Думаю, что ж это к нам за девчонка приехала?

Клава в это время хлопочет над плитой, будто не обращает внимания на рассказ свекра, но при малейшей его неточности, смеясь, поправляет Егора Гавриловича. В шутивную пере-

бранку вступает Степан, дополняет сказанное отцом, повторяя, что любит правду. Но последнее слово все равно за Егором Гавриловичем. Он даже приподнимается со стула:

– Я вас спросил: любите друг друга? Любите. Хорошо. Тогда живите. У меня двор, у меня скот, птица. Мы – всё.

Егор Гаврилович плюет в ладонь, а другой так прихлопывает плевком, что брызги попадают в глаза Степану.

– Мать-перемать!..

Минута замешательства, но вновь сноха оказывается на месте:

– Пап, садись в угол на своё место. Все садитесь. Закуска готова.

Всё начинается сначала.

– Повторить!

– На том свете не выпьешь!

– Пей до дна, ещё будет одна!

Уставшая Клава, никем не замечаемая, стоит в стороне, грустно поглядывает на веселящихся мужчин, на меня, томящегося очередной пьянкой. У меня плохи дела в техникуме. По математике уже получил несколько неудов. Однажды даже написали обо мне в курсовой стенгазете, как о двоечнике. Запустил я математику с её корнями, тангенсами-котангенсами.

Мне становится невыносимо тоскливо и стыдно. Жаль маму, с трудом содержащую меня в городе, жаль Клаву, постоянно хлопчущую возле стола выпивох. Жалко самого себя. Я выскакиваю из комнаты. На вопрос Степана – куда я? – бормочу что-то невнятное, забиваюсь в сарай. Слезы душат меня...

– Вот ты где, милейший! – окликает меня так не кстати появившийся Степан.

Он почти силой выводит меня из сарая и водворяет за стол, где Егор Гаврилович уже поддвигает мне «штрафной».

– Не надо ему, – вступается сестра. – Мальчишка ведь.

По маленькой, по маленькой, чем поят лошадей!

– Последняя. Всё. Баста. Нету больше. Шабаш, – режет воздух нетвердой рукой хозяйин квартиры.

– Да уж и хватит, – встрепенулась кума, заспешив из-за стола.

– Раз нету выпить – нечего было и собираться, – хмурится Егор Гаврилович.

– Не спеши, – успокаивает Степан, – что-нибудь придумаем.

Придумать нечего, кроме как мне идти за водкой: моложе всех. Это несказанно радует Егора Гавриловича. Он затягивает песню на слова, подсказанные сыном:

Не спеши, запоздалая тройка,

Наша жизнь пронеслась без следа...

Вернувшись из магазина, в дом заходить не спешу. Наблюдаю из-за калитки за пьяными гостями. Вспотевшие, довольные они выходят во двор охолонуть, размяться.

– Ну, что лоб твою хлоп! – цепляет Степан подошедшего прикурить дядю Валю Савченко.

– Плюнь, Степа на грудь, не могу жить без моря.

– Варюха-то твоя разлюбезная где? Опять к друзьям ушла? – не меняя тона, подначивает Степан. – Теперь, поди, к утру вернётся.

– Нет, Степа, не в этом дело, – подыскивает ответ дядя Валя. – Всё нормально.

Степану уже трудно остановиться. Он произносит несколько татарских фраз (служил в Казани), очевидно, ругательств. И хохочет звонко, сочно, запрокинув голову назад.

– Ты, Стёпа, можешь переводчиком работать, – не остается в долгу дядя Валя. – Служил у нас в полку один такой...

Дядя Валя был тяжело ранен на фронте. Случай, который он рассказывает о переводчике, любителе выпить, задевает Степана за живое.

– Душа мерку знает, Валентин, – говорит Степан обиженно.

– Знать-то знает, Стёпа, да только водка не таких еще богатырей ломала, – замечает напоследок дядя Валя, отказавшийся от стопки, предложенной Степаном «в честь его приезда».

3.

По возвращении с Камчатки Степан долго подыскивал себе работу, но, какой хотелось, не попадалось. Поступил он в соседнюю мастерскую – не по душе пришлись строгие там порядки. Потом недели три работал в гараже автослесарем – ушёл и оттуда, так как большого заработка не предвиделось.

– Работа не Алитет, в горы не уйдёт, – смеясь отвечал он Клаве, едва она заводила речь о его трудоустройстве.

Степан смеялся оттого, что Клава не понимала его шутки, не знала, кто такой Алитет. На мужа за это не обижалась.

В последнее время все чаще вижу Степана в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.